ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

КОНТРАПУНКТ

СТИХИ

РИФМА
ПАРИЖ

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА

КОНТРАПУНКТ

СТИХИ

РИФМА
ПАРИЖ
1951

Я сегодня с утра весела,
Улыбаются мне зеркала,
Олеандры кивают в окно.
Этот мир восхитителен... Но

Если-б не было в мире зеркал,
Мир на много скучнее бы стал.

Если-б не было в мире стихов,
Больше было бы слез и грехов

И была бы, пожалуй, грустней
Невралгических этих дней
Кошки-мышкина беготня —
Если-б не было в мире меня.

1950.

По набережной ночью мы. идем.
Как хорошо — идем, молчим вдвоем.

И видим Сену, дерево, собор
И облака...
А этот разговор
На завтра мы отложим, на потом,
На после-завтра...
На когда умрем.

Все о чем душа просила,
Что она любила тут...

Время зимний день разбило
На бессмыслицу минут,
На бессмыслицу разлуки,
На бессмыслицу «прости».

...Но не могут эти руки
От бессмертия спасти...

1950.

На дорожке мертвый лист
Зашуршал в тоске певучей.
Хочется ему кружиться,
С первым снегом подружиться,
Снег так молод и пушист.

Неба зимнего созвучья,
Крыши и сухие сучья
Покрывает на вершок
Серебристый порошок.

Говорю на всякий случай:
— Память, ты меня не мучай.
Все на свете хорошо,
Хорошо, и будет лучше...

1950.

Ночь глубока. Далеко до зари.
Тускло вдали горят фонари.

Я потеряла входные ключи,
Дверь не откроют: стучи, не стучи.

В дом незнакомый вхожу не звоня,
Сколько здесь комнат пустых, без огня,

Сколько цветов, сколько зеркал,
Словно аквариум светится зал.

Сквозь кружевную штору окна,
Скользкой медузой смотрит луна.

...Это мне снится. Это во сне.
Я поклонилась скользкой луне,

Я заглянула во все зеркала.
Я утонула. Я умерла...

1950.

К луне протягивая руки,
Она стояла у окна.
Зеленым купоросом скуки
Светила ей в лицо луна.

Осенний ветер выл и лаял
В самоубийственной тоске,
И как мороженное таял
Измены вкус на языке.

1950

Сквозь музыку и радость встречи
Банально-бальный разговор —
Твои сияющие плечи,
Твой романтично-лживый взор.

Какою нежной и покорной
Ты притворяешься теперь!

Над суетою жизни вздорной,
Ты раскрываешь веер черный,
Как в церковь открывают дверь.

В этот вечер парижский, взволнованно-синий,
Чтобы встречи дождаться и время убить,
От витрины к витрине, в большом магазине
Помодней, подешевле, получше купить.

С неудачной любовью... Другой не бывает —
У красивых, жестоких и праздных, как ты.
В зеркалах электрический свет расцветает
Фантастически-нежно, как ночью цветы.

И зачем накупаешь ты шарфы и шляпки,
Кружева и перчатки? Конечно, тебе
Не помогут ничем эти модные тряпки
В гениально-бессмысленной женской судьбе.

— В этом мире любила ли что-нибудь ты?...
— Ты должно быть смеешься! Конечно любила.
— Что? — Постой. Дай подумать! Духи, и цветы,
И еще зеркала... Остальное забыла.

1950.

Все снится мне прибой
И крылья белых птиц,
Волшебно-голубой
Весенний Биарриц.

И как обрывок сна,
Случайной встречи вздор,
Холодный, как волна,
Влюбленный, синий взор.

Над водой луна уснула,
Светляки горят в траве,
Здесь когда-то утонула
Я, с венком на голове.

...За Днепром белеет Киев,
У Днепра поет русалка.
Блеск идет от чешуи...
Может быть, меня ей жалко —

У нея глаза такие
Голубые, как мои.

1950.

Но кто такой Роберт Пентегью,
И где мне его отыскать?
Баллада о Роберте Пентегью.

И. О.

В такие вот вечера
Цветут на столе георгины,
А в окнах заката парча.
Сегодня мои именины
(Не завтра и не вчера).

Поздравлять приходило трое,
И каждый подарок принес:
Первый — стихи о Трое,
Второй — пакет папирос.

А третий мне поклонился:
— Я вам луну подарю,
Подарок такой не снился
Египетскому царю...
(Ни Роберту Пентегью).

1950.

В легкой лодке на шумной реке
Пела девушка в пестром платке.

Перегнувшись за борт от тоски,
Разрывала письмо на клочки.

А потом, словно с лодки весло,
Соскользнула на темное дно.

Стало тихо и стало светло,
Будто в рай распахнулось окно.

1950.

Потомись еще немножко
В этой скуке кружевной.

На высокой крыше кошка
Голосит в тиши ночной.
Тянется она к огромной,
Влажной, мартовской луне.

По кошачьи я бездомна,
По кошачьи тошно мне.

1950.

Сияет дорога райская,
Сияет прозрачный сад,
Гуляют святые угодники,
На пышные розы глядят.

Идет Иван Иванович
В люстриновом пиджаке,
С ним рядом Марья Филиповна
С французской книжкой в руке.

Прищурясь на солнце райское
С улыбкой она говорит:
— Ты помнишь, у нас в Кургановке
Такой-же прелестный вид,

И пахнет совсем по нашему
Черемухой и травой...
Сорвав золотое яблоко,
Кивает он головой:

Совсем как у нас на хуторе,
И яблок какой урожай.
Подумай — в Бога не верили,
А вот и попали в рай!

Я помню только всего
Вечер дождливого дня,
Я провожала его,
Поцеловал он меня.

Дрожало пламя свечи,
Я плакала от любви.
— На лестнице не стучи,
Горничной не зови!
Прощай... Для тебя, о тебе,
До гроба, везде и всегда...

По водосточной трубе
Шумно бежала вода.
Ему я глядела вслед,
На низком сидя окне...

...Мне было пятнадцать лет,
И это приснилось мне...

Каждый дом меня как-будто знает.
Окна так приветливо глядят.
Вот тот крайний чуть-ли не кивает,
Чуть-ли не кричит мне: Как я рад!

Здравствуйте. Что вас давно не видно?
Не ходили вы четыре дня.
А я весь облез, мне так обидно,
Хоть бы вы покрасили меня.

Две усталые, худые клячи
Катафалк потрепанный везут.
Кланяюсь. Желаю им удачи.
Да какая уж удача тут!

Медленно встает луна большая,
Так по петербургски голуба,
И спешат прохожие, не зная,
До чего трагична их судьба.

— Теперь уж скоро мы приедем,
Над белой дачей вспыхнет флаг.
И всем соседкам и соседям,
И всем лисицам и медведям
Известен будет каждый шаг.

Безвыездно на белой даче
Мы проживем за годом год.
Не будем рады мы удаче,
Да ведь она и не придет.

Но ты не слушаешь, ты плачешь,
По-детски открывая рот...

Как неподвижна в зеркале луна,
Как будто в зеркало вросла она.

А под луной печальное лицо,
На пальце обручальное кольцо.

В гостиной плачет младшая сестра:
От этой свадьбы ей не ждать добра.

— О чем ты, Ася? Отчего не спишь?
— Ах, Зоя, увези меня в Париж!

За окнами осенний сад дрожит,
На чердаке крысиный яд лежит.

Игру разыгрывают две сестры,
Но ни одной не выиграть игры.

На свадьбе пировали, пили мед,
Он тек и тек, не попадая в рот.

Год жизни Зоиной. Последний год.

Облокотясь на бархат ложи,
Закутанная в шелк и газ,
Она, в изнеможеньи дрожи,
Со сцены не сводила глаз.

На сцене пели, танцевали
Ее любовь, ее судьбу,
Мечты и свечи оплывали,
Бесцельно жизнь неслась в трубу,

Пока блаженный сумрак сцены
Не озарил пожар сердец
И призрак счастья... Но измены
Простить нельзя. Всему конец.

Нравоучительно, как в басне,
Любовь кончается бедой...

— Гори, гори, звезда, и гасни
Над театральной ерундой!

В руках жасминовый букет
И взгляд невинно-удивленный,
И волосы, как лунный свет,
Косым пробором разделенный.

Сквозь тюлевый туман фаты
Девическое восхищенье...
Но неужели это ты,
А не твое изображенье

На полотне за гранью лет,
В поблекшем золоте багета,
Воображаемый портрет,
«Банальная мечта поэта»?

Летала, летала ворона.
Долетела до широкого Дона,
А в Дону кровавая вода
Не идут на водопой стада,
И в лесу кукует не кукушка,
А грохочет зенитная пушка.

Через Дон наводят мосты
И звенят топоры и пилы,
Зеленеют братские могилы,
На могилах безымянные кресты...

А вороне какое дело —
Вильнула хвостом и домой улетела.

Угли краснели в камине,
В комнате стало темно...
Все это было в Берлине,
Все это было давно.

И никогда я не знала,
Что у него за дела,
Сам он рассказывал мало,
Спрашивать я не могла.

Вечно любовь и тревога...
Страшно мне? Нет, ничего.
Ночью просила я Бога,
Чтоб не убили его.

И уезжая кататься
В автомобиле, одна,
Я не могла улыбаться
Встречным друзьям из окна.

Серебряной ночью средь шумного бала,
Серебряной ночью на шумном балу,
Ты веер в волненьи к груди прижимала,
Предчувствуя встречу к добру или злу.

Средь шумного бала серебряной ночью
Из музыки, роз и бокалов до дна,
Как там на Кавказе когда-то, как в Сочи
Волшебно и нежно возникла весна.

Серебряной ночью средь шумного бала
Кружилась весна на зеркальном полу,
И вот эмигрантской печали не стало,
И вот полудетское счастье сначала,
Как в громе мазурки на первом балу,

Как там на Кавказе когда-то, как в Сочи
Средь шумного бала серебряной ночью...

Далеко за арктическим кругом,
Распластав поудобней хвосты,
Рассуждали тюлени друг с другом,
Называя друг друга на ты.

Согласились разумно тюлени:
Жизнь спокойна, сытна, весела
И полна восхитительной лени,
Много холода, мало тепла,
Ни надежд, ни пустых сожалений.

Жизнь от века такою была...

А про ландыши, вешнее таянье,
Исступленное счастье, отчаянье
Сумасшедшая чайка врала,
Перед тем, как на льду умерла.

1950.

За окном сухие ветки,
Ощущенье белки в клетке.

Может быть я, как и все,
Просто белка в колесе?
И тогда мечтать не в праве
Я о баснословной славе?

Слава, все равно, придет,
Не сейчас, так через год.

1950.

Клочья света, обрывки тепла,
Золоченой листвы фалбала,

Сад в муаровой шумной одежде,
Легкомысленно верит надежде,

Что не будет от осени зла,
Что она как весна весела.

Вспоминаю насколько я прежде
Рассудительней, старше была

И насколько печальней жила.

1950.

Банальнее банального,
Печальнее печального,
Умильнее умильного,
Под гром оркестра бального,
А дальше право сильного,
Без разговора дальнего.

А там совсем банальщина,
Шампанское, цыганщина.

Банальнее банального,
«Прости» свистка вокзального,
Печальнее печального,
В купэ вагона спального,
В ночи с огнями встречными,
С цветами подвенечными,

Железа бормотание
«В Ис-панию, в Ис-панию»...

В белом дыму паровоза,
Возле вагонных колес,
Были улыбки и розы,
Не было правды и слёз.

Так в этот час расставанья,
В час умиранья души
Он говорил: «До свиданья,
Ведь ненадолго. Пиши...»

Сердце царапают кошки.
Все утешенья — вранье.
...Белый платочек в окошке
Делает дело свое.

Прощанье на вокзале,
Прощальные цветы.

На «вы», или на «ты»?..

— Зачем вы не сказали?
Ведь я простить могла,
Ведь я не помню зла...

— Не надо расставаться,
Двенадцать, нет — тринадцать
Минут еще осталось
И можно все решить...

— Мне больно. Я устала,
И времени так мало,
Так трудно говорить...

Широкая перчатка,
Дорожное пальто.
...В Берлине пересадка...

Ах, это все не то!
Осталось восемь, семь...
И нет минут совсем
И все-же надо жить...

Свисток И говор шведский...

Навек твой профиль детский,
Навек твой детский рот...

...А поезд уж идет.

Из счастия не вышло ничего —
Мы елки не зажгли под Рождество,
Не встретили мы вместе Новый Год,
На лыжах мы не бегали.
                                        И вот
На счастие поставить надо крест...

Как театрально суетлив отъезд!
Опять разлука. О, в который раз
Мужские слезы из холодных глаз!
В который раз «навеки», «навсегда»!
Слова, как ветер, слезы, как вода.

— Так до весны, не забывай... Свисток.
Летает голубем в руке платок.
Все кончено. И все же надо жить.
Сесть у окна. На столик положить
Свой похоронно-свадебный букет.

...Ни прошлого, ни будущего нет...

Ни дни, ни часы, а столетья
В разлуке до тла сгорев...
И вот наконец Венеция,
Дворцы и Крылатый лев.

Стеклянные воды канала,
Голубизна голубей.
Ты плакала: — «Мне этого мало.
Убей меня лучше. Убей!..»

Казалось, что даже и смертью
Ничем уж тебе не помочь.
Не в первую, нет, а в третью
Венецианскую ночь...

— Послушай, поедем в Венецию!..

Весной в лесу таинственном,
Булонском, восхитительном...
О, этот день таинственный,
Блаженный, светлый, длительный.
Трубит труба победная,
Труба автомобильная.
Весна такая бледная,
Бессильная, холодная.
А платье очень бедное,
(На медные гроши),
И сумочка не модная
Чулки не хороши
И даже шляпка пыльная.

В Лоншане скачут лошади,
Конечно — страшно нравится,
До одури, до зависти...
О, только бы прославиться,
Чтобы на круглой площади
Мне памятник стоял!

— Но разве можно выиграть?
— Попробуй. Ведь игра.

Теперь как раз пора
Побить удачу козырем.

С победой по пути
И в дом над белым озером
Хозяйкою войти.

Женою? Нет, вдовою,
С влюбленностью, с тоскою
(Пока шумит гроза),

И слабою рукою
Закрыть ему глаза...

Все на земле кончается,
Теряется, находится...
Волна с волной встречается,
Волна с волной расходится...
На мачте флаг качается,
А в трюме крысы водятся.

Растрепанная, шумная
Душа по горю треплется,
Высоко в небе теплется
Звезда зелено-думная.

Бессонница... Несносица...
Соленый бром... Истерика...
Тоски разноголосица.
Ни отдыха, ни сна.
А сердце в омут просится...

— Привет тебе, Америка,
Чужая сторона!
Но если в волны броситься,
Не доплывешь до берега
И не достанешь дна...

Под лампой электрической,
С улыбкой истерической,
В подушку головой.

По полю, под луной,
Летит стрелой лисица...
Нет, это только снится.
Нет, это скверный сон —
И казино, и Ницца,
И лунный Пантеон.

И все-ж она гордится
Богатством и собой
И горькою судьбой.

Она такая странная,
Прелестная и пьяная,
И — вдребезги стакан...

— Вы из далеких стран?
Вам хочется любить?
Вам хочется пожить
На маленькой земле
В печали и тепле?...

В аллеях бродят сумерки
Тоскливо, будто умер кто-то.
Жасмин под ветром ежится
И сыплятся цветы.
Опять мелькает рожица
Несбыточной мечты.

Как за решеткой пленника
Горит звезда изменница,
И в радио-приемнике
Любовь зовет и пенится.

Истасканное, пошлое
Хрипит чужое прошлое,
Любви мешая петь, —
Про встречи и разлуки,
— О, перестань храпеть!
Про плечи, губы, руки,
О сладостном грехе
И прочей чепухе.

Но зябнущее сердце
Уже попалось в сеть.
О, только бы согреться,
Согреться и сгореть.

Было счастье подвенечное,
Было платье бесконечное,
Шлейф, как млечный путь.
Звезды, розы и приветствия
И классически — Венеция.

Все причины и все следствия,
 Вся земная суть.
С океанскою безбрежностью,
С восхищеньем, с нежной ревностью,
С праздничною повседневностью
 Ночи до утра...

Это все вчера,
А теперь пора
Днями жить, а не ночами,
Стать портретом в пышной раме,
От тоски и от удушья
Научиться равнодушью,
Одиночеству вдвоем.
Принимать, вести свой дом.
Быть женою экономной,
Томной, скромной, вероломной...
 Вся земная суть,
 Вся земная жуть.

БАЛЛАДА О ГУМИЛЕВЕ

На пустынной Преображенской
Снег кружился и ветер выл...
К Гумилеву я постучала,
Гумилев мне дверь отворил.

В кабинете топилась печка,
За окном становилось темней.
«Написали-бы вы балладу
Обо мне и жизни моей!

«Это, право, прекрасная тема», —
Но я ему ответила: «Нет.
Как о вас напишешь балладу?
Ведь вы не герой, а поэт.»

Разноглазое отсветом печки
Осветилось лицо его.
Это было в вечер туманный,
В Перебурге на Рождество...

Я о нем вспоминаю все чаще
Все печальнее с каждым днем.
И теперь я пишу балладу
Для него и о нем.

Плыл Гумилев по Босфору
В Африку, страну чудес,
Думал о древних героях
Под широким шатром небес.

Обрываясь падали звезды
Тонкой нитью огня.
И каждой звезде говорил он:
— «Сделай героем меня!»

Словно в аду полгода
В Африке жил Гумилев,
Сражался он с дикарями,
Охотился на львов.

Встречался не раз он со смертью,
В пустыне под «небом чужим».
Когда в Петербург он вернулся,
Друзья потешались над ним:

— «Ах, Африка! Как экзотично!
Костры, негритянки, там-там,
Изысканные жирафы,
И друг ваш гипопотам».

Во фраке, немного смущенный
Вошел он в сияющий зал
И даме в парижском платье
Руку поцеловал.

«Я вам посвящу поэму,
Я вам расскажу про Нил,
Я вам подарю леопарда,
Которого сам убил.»

Колыхался розовый веер,
Гумилев не нравился ей.
— «Я стихов не люблю. На что мне
Шкуры диких зверей...»

Когда войну объявили
Гумилев ушел воевать.
Ушел. И оставил в Царском
Сына, жену и мать.

Средь храбрых он был храбрейший,
И может быть оттого
Вражеские снаряды
И пули щадили его.

Но приятели косо смотрели
На георгиевские кресты:
— «Гумилеву их дать? Умора!»
И усмешка кривила рты.

Раз, незадолго до смерти,
Сказал он уверенно: «Да.
В любви, на войне и в картах
Я буду счастлив всегда!..

Ни на море, ни на суше
Для меня опасности нет...»
И был он очень несчастен,
Как несчастен каждый поэт.

Потом поставили к стенке
И расстреляли его.
И нет на его могиле
Ни креста, ни холма — ничего.

Но любимые им херувимы
За его прилетели душой.
И звезды в небе пели: —
«Слава тебе, герой!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Окончена печатанием
15 января 1951 г.
в Париже.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris (20e).